

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ЗНАТНЫХ ФАМИЛИЙ В ПОМПЕЯХ

Уникальный археологический комплекс Помпей позволяет восстановить многие стороны древнеримской действительности, в том числе и хозяйственную жизнь римской фамилии в небольшом городе античной Италии. Правда, с самого начала надо трезво оценивать границы наших возможностей по реконструкции исторических реалий в рамках данной темы, а они весьма ограничены. Даже богатые археологические источники из Помпей в сочетании с эпиграфическими и литературными свидетельствами самого различного характера не позволяют воссоздать цельную картину жизни семей муниципальной знати и ответить на все поставленные вопросы. Кроме того, последовательное развитие города было прервано разрушительным землетрясением 62 г. н.э., от которого он так и не успел оправиться вплоть до своей гибели в 79 г. н.э. Взору археологов открылась картина жизни, еще не вошедшей до конца в нормальное русло. Многие частные и общественные здания, мастерские и лавки находились в стадии ремонта, что не могло не привести целый ряд новых аспектов, исказить и деформировать экономические отношения, характерные для империи эпохи Принципата. Но, как представляется, несмотря на все эти трудности, все же можно на основе открытого в ходе раскопок материала выделить основные тенденции и направления экономической деятельности знатных фамилий, оказывавших решающее воздействие на все стороны развития небольшого города в Кампании. Исходя из этого, в статье будет предпринята попытка реконструкции наиболее важных аспектов хозяйственной жизни семей помпейской знати в эпоху Поздней республики и Ранней империи.

Жизнь знатных фамилий в городе протекала в стенах атриумного дома, где проживал *pater familias* с подвластными домочадцами и прислугой, в число которых входили и рабы, занимавшиеся ремеслом и торговлей. Раскопки Помпей продолжаются, поэтому точное число строений всех типов, существовавших к моменту гибели города, на сегодняшний день точно назвать невозможно, хотя попытки подсчета общей численности населения и количества строений, исходя из раскопанных площадей, предпринимались неоднократно и всегда приводили к расхождению в цифрах¹. Так согласно последним подсчетам, проведенным с помощью компьютера, в городе было 818 жилых домов, 890 торговых предприятий, 207 мастерских, да еще около трехсот общественных зданий, храмов и прочих сооружений². Однако лавки при домах были посчитаны дважды: сначала как часть жилого дома, а затем как торговоремесленное заведение. Общее число раскопанных построек не превышает 1435, среди которых обитаемых построек различных размеров с

¹ Численность населения Помпей, которая рассчитывалась по количеству комнат или площади домов, исследователями определялась по-разному: от 20–30 тыс. человек (*Сергеенко М.Е.* Помпеи. М.; Л., 1949. С. 104; *Carrington R.C.* Pompeii. Oxf., 1936. P. 8) до 8–10 тыс. человек (*Eschebach H.* Die städtebauliche Entwicklung des antiken Pompeji. Heidelberg, 1970. S. 61).

² Pompei. L'informatica al servizio di una città antica. Analisi delle funzioni urbane. Napoli; Roma, 1988. P. 63–73.

жилыми и хозяйственными сооружениями на всей территории археологического комплекса будет не более 1200³. А многокомнатных атриумных домов с обширными перистилиями или садами, которые могли принадлежать представителям городской верхушки, можно выделить чуть больше сотни.

В таких строениях обитала, как правило, одна семья, о чем может свидетельствовать устройство в доме ларария. Каждая фамилия имела своих богов-покровителей, изображения которых помещали в ларарии, служившего сакральным символом единства фамилии. В подавляющем большинстве случаев в каждом жилище в Помпеях на первом этаже открыты следы домашнего святилища⁴. Однако не всегда в обширных апартаментах проживала только одна семья. Как известно, в эпоху Империи распространяется практика устройства жилого пространства и на верхних этажах, которыми владели на разных условиях. Существовала практика сдачи различных помещений в аренду, которая получила особенно широкое распространение в Помпеях после разрушительного землетрясения. Так, в надписи из инсулы Арриана Поллиана, открытой на стене дома, собственником которого был Гней Аллей Нигидий Май, сообщалось о сдаче внаем таберны с комнатами наверху, а также всаднических апартаментов и дома (или домов)⁵. Таберна с комнатами предназначалась для небольшой семьи, связанной с торгово-ремесленной деятельностью.

На появление временных, посторонних жильцов на верхних этажах может указывать лестница. Однако наличие таковой могло свидетельствовать не только об аренде помещений. В некоторых случаях лестницы, ведущие в верхние комнаты прямо с улицы, могут косвенно свидетельствовать о возможном существовании наверху независимого жилища. Сколько-нибудь определенно об этом на основе помпейского материала судить сложно, поскольку в Помпеях верхние этажи практически не сохранились. Но некоторый дополнительный материал на этот счет дают раскопки в Геркулануме, где здания сохранились значительно лучше. Так, в большом доме V.14–15 на первом этаже находится домашнее святилище с изображением ларов и змей. А в комнатах на втором этаже с лавкой V.17, которые прежде были составной частью этого большого дома, появился еще один деревянный ларарий, связанный с семьей хозяина лавки. В обширном доме III.13–15 проживало несколько самостоятельных хозяев, и помещения с входом № 13 имело собственное святилище. Кроме этого в задних комнатах на втором этаже, куда вела лестница со двора, обнаружены изображения ларов и богов римского пантеона. Эти примеры свидетельствуют о возможности проживания под одной крышей нескольких самостоятельных семей.

В Помпеях насчитывается около полутора десятков случаев наличия внешних лестниц в структуре больших атриумных домов, и вполне возможно, что некоторые из них вели в жилые комнаты, принадлежавшие еще одной семье, проживавшей под одной крышей обширного жи-

³ Wallace-Hadrill A. Houses and Households: Sampling Pompeii and Herculaneum // Marriage, Divorce, and Children in Ancient Rome / Ed. by B. Rawson. Oxf., 1991. P. 204–214.

⁴ Boyce G.K. Corpus of the Lararia of Pompeii. Rome, 1937; Orr D.G. Roman Domestic Religion: the Evidence of the Household Shrines // ANRW. 1978. Tl 2. Bd. 16.2. S. 1557–1591.

⁵ CIL. IV.132: *locantur tabernae cum pergulis suis et cenacula equestria et domus.*

лица⁶. Указания на подобную ситуацию дают также и Дигесты. Так, разбирается случай, когда по завещанию большой двойной дом (*binas aedes*) под общей крышей, покоящейся на одной балке, был поделен между двумя собственниками, и возник вопрос, как новые собственники в самостоятельных жилищах под одной крышей могут использовать общую опору. Папиниан считал, что те части бревна, которые находятся в пространстве каждого собственника, принадлежат каждому в одинаковой мере. Поэтому они не могут вчинять иск друг к другу, если в эту опору вставляются дополнительные балки⁷. Судя по тому, что отношения между наследниками регулировались не узурфруктом, здесь речь с большой долей вероятности могла идти о близких родственниках, возможно, братьях.

В Помпеях также имеются свидетельства на этот счет. Роскошный дом VI.5.1, на основании найденных в атриумной печатей, принадлежащих А. Веттию Конвину и А. Веттию Реституту, а также предвыборных надписей на стенах дома (CIL. IV.3509, 7947) определяется как принадлежащий двум братьям-отпущенникам. Также совместно владели огромным домом I.4.5 с тремя перистильями и термами (Дом Кифариста) Л. Попидий Секунд, прозванный Августинаном, поскольку входил он в свиту Нерона, и Л. Попидий Амплиат, как это определяется по многочисленным надписям⁸. По-видимому, братья предпочитали не делить отцовское наследство, а совместными усилиями его приумножать. Какими бы мотивами они ни руководствовались, в любом случае для нас важно наличие практики существования под одной крышей большого атриумного дома двух собственников. Только если владелец возводил стену, полностью разделяющую все строение на две части, тогда юристы заключали, что появилось уже два полностью отделенных друг от друга независимых дома (*duae domus*)⁹, и по строительным элементам археологи могут проследить возникновение независимых фамилий в отдельных домах. Такая практика в эпоху Империи, судя по формулировке в Дигестах, была весьма распространенной (*ut plerique faciunt*), Таким образом, вырисовывается ситуация, что в подавляющем большинстве случаев в большом атриумном доме проживала одна семья, подчиненная *pater familias*, который мог по-разному распоряжаться отдельными частями строения.

Помпеи как постоянное поселение возникли в VI в. до н.э., но активное их развитие приходится на начало IV в. до н.э., когда оски и самниты вытеснили прежнее население. Ко II в. до н.э. город разросся, и его крепостные стены очертили границы той площади, которая вплоть до гибели города оставалась неизменной. Древнейшие следы торговой-ремесленной деятельности обнаружены археологами на форуме, где под зданием Эвмахии и храмом Веспасиана открыты остатки фундаментов небольших однокомнатных таберн, возникших в IV в. до н.э. Распо-

⁶ Wallace-Hadrill A. Op. cit. P. 220.

⁷ Dig. 8.2.36 (Pap. 7 quaest.): *Binas quis aedes habebat una contignatione tectas: utrasque diversis legavit. Dixi, quia magis placeat tignum posse duorum esse ita, ut certae partes cuiusque sint contignationis, ex regione cuiusque domini fore tigna nec ullam invicem habituros actionem ius non esse immissum habere.*

⁸ Eschebach H. Op. cit. S. 118.

⁹ Dig. 8.4.6.1 (Ulp. 28 ad Sab.): *si dominus pariete medio aedificato unam domum in duas dividerit, ut plerique faciunt: nam et hic pro duabus domibus accipi debet.*

ложенные в ряд однотипные лавки были органичной частью построек форума и служили общественным нуждам¹⁰.

Первые свидетельства активной хозяйственной деятельности владельцев крупных домов в Помпеях появляются значительно позднее. Атриумные дома начинают активно возводить лишь с IV–III вв. до н.э.¹¹ в так называемый самнитский период (425–80 гг. до н.э.). В это время возникают многие большие дома в центральных, так называемых «аристократических», районах города: VI.1.9–10, 23 (Дом Хирурга), VI.2.3–5, 30–31 (Дом Саллюстия), VI.14.11–13, 15–20 (Дом Орфея или Марка Везония Прима) и др. Первоначально эти дома (как это наиболее полно прослежено на примере Дома Хирурга и Дома Орфея) не имели торгово-ремесленных помещений. Лишь позже, во II в. до н.э., комнаты, имевшие глухие стены по фасаду дома, были переделаны в лавки, получившие вход с улицы. В Доме Хирурга появляется одна лавка, а в Доме Орфея оборудуют по две лавки с каждой стороны от входа¹². Симметричное расположение по две или три таберны с каждой стороны от входа в дом получает большое распространение: по две лавки с каждой стороны от входа были оборудованы в самнитский период в строениях VI.14.11–13 (Дом Везония Прима) и VII.7.2.4–5 (Дом Триптолема); в домах VI.2.4 (Дом Саллюстия), VI.6.1.8 (Дом Пансы) лавки сооружаются по три с каждой стороны от входа уже одновременно со строительством атриумного дома¹³. Большая же часть атриумных домов возникает, по всей видимости, во II в. до н.э., и в ряде из них сразу же планируются однокомнатные помещения под таберны (VII.9.46; VII.13.5).

Во II в. до н.э. возникают пристроенные к атриумному дому таберны с задними комнатами (V.2.2 и VII.9.49)¹⁴. В целом, хотя мы и располагаем фрагментарным материалом по самнитскому периоду, можно сделать вывод, что появление таберн в структуре атриумных домов датируется самым ранним началом II в. до н.э. Причем уже при строительстве (что во многих случаях сохранилось вплоть до гибели города) эти в большинстве своем однокомнатные помещения были сразу же отделены от жилого пространства дома знатной фамилии глухой стеной и с домом никак не сообщались.

Такое расположение таберн весьма примечательно. Оно указывает, с одной стороны, на переход *pater familias* к практике использования городского дома (через подвластных ему членов фамилии) в торгово-ремесленных целях, что сулило немалый доход, а с другой стороны, на то, как он демонстративно отгораживается от встроенных в его жилище лавочек. В таком подходе домовладыки к организации хозяйственной жизни фамилии получили отражение те противоречивые реалии, которые сложились в эпоху Поздней республики в древнеримском обществе.

¹⁰ Maiuri A. Pompei. Saggi nell'area del Foro // NS. 1941. P. 371–374; Gassner V. Die Kaufläden in Pompeji. Wien, 1986. S. 60.

¹¹ Необходимо отметить, что вопрос датировки ранних строительных периодов помпейских домов весьма сложен, так как комплексных стратиграфических исследований до сих пор предпринято не было, а датировка по технике строительства не всегда может указывать точное время строительства дома и его последующих перестроек.

¹² Gassner V. Op. cit. S. 47–50.

¹³ Ibid. S. 53; Hanno С. Помпей. М., 2001. С. 146–147.

¹⁴ Gassner V. Op. cit. S. 51, 63.

Согласно утвердившимся в римском обществе нормам, ориентированным на обычаи предков¹⁵, глава знатной фамилии, чей высокий статус и престижность определялись наличием земельной собственности¹⁶, не мог унижить себя участием в мелкой торгово-ремесленной деятельности. Об этом прямо высказался Цицерон: «Торговлю, если она незначительна, надо считать грязным делом»¹⁷. Поэтому распространяется обычай передачи домовладыкой помещения и оборудования таберны в пекулий подвластным лицам из фамилии (как правило, рабам). Это обеспечивало *pater familias* безупречную репутацию в духе *mos maiorum*, но порождало и проблемы, так как рабский пекулий налагал на хозяина серьезные обязательства перед согражданами, исполнение которых регулировалось законом.

Для разрешения конфликтов, которые возникали в результате самостоятельной деятельности подвластного в лавке, был установлен преторский иск *actio institoria*, который так назывался, потому что поставленного во главе таберны обозначали термином *institor*. Формула *institoria* имела место, когда *pater familias* поручал управлять таберной, входившей в имущество главы семейства, или каким-либо промыслом своему сыну или рабу, или кому-либо постороннему, рабу или свободному¹⁸. В случае обоснованности предъявленных домовладыке претензий вчиненный иск удовлетворялся в полном объеме (*in solidum*). Главе фамилии предписывалось строго следить за правильностью исполнения инститором своих функций в таберне при совершении операций с покупателями и кредиторами. С этой целью господин обязан был давать управляющему в лавке четкие указания (*praepositio*) и вывешивать в лавке предписания (*proscriptio*), строго регламентирующие полномочия и сферы деятельности, в рамках которых инститор имел право совершать торговые сделки.

Pater familias был обязан строго контролировать деятельность подвластного в таберне, так как за любой проступок инститора он отвечал перед его контрагентами своим имуществом. Причем по другому иску такого рода – *actio tributoria* – удовлетворение в полном объеме иска по сделкам, совершенным рабом, торгующим товарами в таберне, наступало, когда устанавливалось наличие всего лишь осведомленности господина (*scientia domini*) о деятельности раба. Осведомленность предполагает немедленное принятие господином мер к лицу, совершившему проступок. А было волеизъявление (*voluntas*) домовладыки на проведение данных операций или нет, уже никакой роли не играло. Поэтому глава фамилии, передавая пекулий подвластному лицу, стремился расположить его так, чтобы была возможность постоянного контроля за деятельностью инститора, чтобы избежать вчинения исков за неправомерные действия управляющего таберной. С этой целью лавки сооружались в структуре атриумного дома, но изолировались от жилого пространства фамилии. О том, что они не предназначались для сдачи в аренду свободным ремесленникам, говорит и то, что мастерские и лавки простых

¹⁵ Утченко С.Л. Политические учения древнего Рима. М., 1986. С. 159.

¹⁶ Nicolet C. L'ordre équestre à l'époque républicaine. P., 1966. T. 1. P. 361.

¹⁷ Cic. *De off.* I. 151: *Mercatura autem, si tenuis est, sordida putanda est.*

¹⁸ Gai. 4.71: *cum quis tabernae aut culibet negotiationi filium seruumve aut quemlibet extraneum, siue seruum siue liberum praeposuerit.*

горожан, как это удалось проследить историкам¹⁹, развились из небольшого жилища.

В самнитский период торгово-ремесленная деятельность знати не ограничивалась только пределами городского дома. Одной из самых влиятельных и знатных семей в Помпеях в это время была многочисленная фамилия Попидиев, владевшая обширными городскими домами и сельскими вилами в ближайших окрестностях. Немало ее представителей занимали различные городские магистратуры, начиная с раннего времени²⁰. В своих поместьях они активно разрабатывали глинища, о чем свидетельствуют обнаруженные черепицы с оскским клеймом, которое М. Делла Кортэ восстановил как *Ni. Popi(di) E(pidi) filii*²¹. Занимались они, вероятно, и торговлей вином. Правда, обнаруженные амфоры с именем *L. Popidius Ampliatus* (CIL. IV.2658, 2659) датируются уже императорским временем.

Несомненно, Попидии, как и представители других знатных фамилий, руководствовались в своей хозяйственной деятельности теми же идеями, которые развивал в своем трактате Варрон. Он отмечал, что, хотя каменоломни, песчаные карьеры и глинища не относятся к земледелию, «это не значит, что их не надо разрабатывать в том имении, где это удобно, и не надо получать от них дохода»²². Таким образом, помпейский материал показывает, что хозяйственная практика италийской знати в эпоху Республики шла в том же русле, что и у представителей сенаторско-всаднических кругов в Риме.

Переход глав знатных фамилий к торгово-ремесленным операциям в рамках городской фамилии знаменовало собой начало нового этапа в экономической жизни Помпей. К существовавшей в городе с IV в. до н.э. торгово-ремесленной деятельности, организованной силами рядовых членов общины, через два века добавилась еще одна такая же сфера деятельности, но организованная уже силами и средствами знатных фамилий в рамках своей городской собственности. Эти данные корректируют точку зрения А. Майюри, который считал, что вплоть до эпохи Августа знатная семья была свободна от «грязного» окружения лавок и арендаторов²³.

Такая форма хозяйственной жизни открыла дорогу неизбежному превращению большого атриумного дома в хозяйственный организм, где частная жизнь фамилии и торгово-ремесленная сферы в конце концов оказались тесно переплетены между собой²⁴. Со II в. до н.э. начинается путь к превращению жилища знати, расположенного в аристократическом районе, в архитектурный комплекс, обрастающий различными торгово-ремесленными заведениями. Активно этот процесс шел в по-

¹⁹ Gassner V. Op. cit. S. 59–60.

²⁰ Della Corte M. Case ed abitanti di Pompei. Napoli, 1965. P. 150–153; Castrén P. *Ordo populusque Pompeianus*. Roma, 1975. P. 207–209.

²¹ Della Corte M. Op. cit. P. 151.

²² Varr. RR. I.2.23: *neque ideo non in quo agro idoneae possunt esse non exercendae, atque ex iis capiendi fructus*.

²³ Maiuri A. L'ultima fase edilizia di Pompei. Roma, 1942. P. 58.

²⁴ На то, что знатная семья в атриумном доме была окружена широкой группой людей различного социального статуса, что было естественным условием существования фамилии, в свое время указал Эндрю Уоллес-Хедрилл (Wallace-Hadrill A. Op. cit. P. 225–226).

следние десятилетия Республики и после установления империи²⁵. В итоге к моменту гибели города на центральной улице (*decumanus maximus*) господствовали таберны, возникшие вокруг атриумного дома²⁶. Это явление в первую очередь было вызвано активной хозяйственной деятельностью глав знатных фамилий, которые стремились с максимальной выгодой использовать расположение своих жилищ на центральной улице, а не сменой населения после землетрясения 62 г. н.э. на новую торговую «мелкую буржуазию», как считают некоторые историки²⁷.

Но, конечно, лучше известна хозяйственная деятельность домовладык на последней стадии существования города после землетрясения 62 г. н.э. На раскопанных площадях города открыто чуть больше сотни больших домов, в которых ко времени гибели Помпей в 79 г. н.э. могли обитать знатные и зажиточные горожане. Больше половины имели при себе лавки – как изолированные от жилого пространства, так и соединенные с ним, а также ремесленные мастерские, занимающие площадь от одной комнаты до всего атриумного дома. Однако всестороннему анализу торгово-ремесленной жизни города мешает то, что только примерно для пятой части таберн можно точно определить их назначение. Кроме того, во многих зданиях все еще шли ремонтные и восстановительные работы. Наличие в городе большого количества поврежденных домов облегчало переход недвижимости из одних рук в другие. Ряд семей покинул свои жилища, и их кардинально переоборудовали новые хозяева. Так произошло с Домом Саллюстия (VI.2.4), который был основательно перестроен после 62 г. н.э. Новым хозяином, как это определяется по найденной печати, был А. Коссий Либан (CIL. X.8058.27). Судя по когномену, он был выходцем с Востока, попал в рабство, а затем был отпущен на волю. Используя выгодное расположение дома возле городских ворот, он переделал жилище под постоялый двор и соединил две лавки с внутренними покоями. Однако пекарня была устроена раньше, еще прежними владельцами в конце Республики – начале Империи²⁸. Примерно в это же время возникает еще ряд пекарен, связанных с домами знати. В Доме Пансы, который после землетрясения перешел от древнего рода Ариев в собственность не менее знатной фамилии Аллиев²⁹, хлебопекарни VI.6.4–5 и VI.6.16–21 были устроены вскоре после сулланской колонизации³⁰. В это же время пекарня возникла и среди хозяйственных помещений обширного и богато украшенного Дома Лабиринта (VI.11.9–10)³¹. Примеры такого рода можно продолжать и дальше, что подтверждает сделанные ранее выводы.

Но для нас важно то, что после землетрясения, как показали исследования А. Майюри, были оборудованы только четыре новые пекарни: VI.3.3; VII.1.36; VII.2.3–6; VIII.4.26–29³². В то же время некоторые из ранее существовавших хлебопекарных мастерских прекратили свое суще-

²⁵ Подробный разбор лавок различных типов см.: Gassner V. Op. cit. S. 45–81.

²⁶ Ibid. S. 85.

²⁷ Maiuri A. L'ultima fase... P. 58.

²⁸ Сергеевко М.Е. Помпеи. С. 221–222; Maiuri A. L'ultima fase... P. 98–99; Overbeck J. Pompeji in seinen Gebäuden, Altertümern und Kunstwerken. Leipzig, 1884. S. 300–307.

²⁹ Fiorelli G. Descrizione di Pompei. Napoli, 1875. P. 102, 106.

³⁰ Overbeck J. Op. cit. S. 325–326.

³¹ Ibid. S. 342.

³² Maiuri A. L'ultima fase... P. 164–165, 167, 168–170, 172–173.

ствование. В помещениях VII.12.11 и VIIосс.9 археологи обнаружили следы от убранных мельничных жерновов: мастерские были переоборудованы в лавки³³. К моменту гибели города не функционировала и пекарня VI.14.34³⁴. А еще ряд пекарен (V.3.8; V.4.1–2; IX.1.3, 33; IX.5.4) работал не в полную силу, так как некоторые мельницы не действовали³⁵. Примерно такая же картина наблюдается и в шерстоделательном производстве: в мастерских фуллонов, красильщиков и валяльчиков войлока³⁶. В. Гасснер подсчитала, что после землетрясения 62 г. н.э. в Помпеях на шесть сотен лавок приходится появление всего около двух десятков новых заведений³⁷, что неожиданно весьма немного.

Приведенный выше материал не только позволяет еще раз поставить под сомнение тезис о том, что в последние годы жизни Помпей произошел всплеск торгово-ремесленной деятельности рвущихся к обогащению низших слоев помпейского общества³⁸. Главное для нас – это то, что отсутствие существенного увеличения числа таберн ясно свидетельствует, что уже до землетрясения, в конце Республики – начале Империи, знатные и богатые фамилии через активную деятельность своих рабов и отпущенников (в дополнение к издавна представленным в общинном производстве свободным работникам в мелких мастерских) заполнили в экономике Помпей всю сферу торгово-ремесленной жизни города, и места для расширения производства уже не осталось.

Наиболее наглядно это представлено в шерстоделательном и хлебопекарном производстве. Обширный дом Л. Попидия Секунда (I.4.5), представителя старинного аристократического рода, кандидата в эдилы в эпоху Флавиев³⁹, со всех сторон был окружен табернами и мастерскими и имел при себе две фулоники (I.4.7 и I.4.26). В последней работал его отпущенник Л. Попидий Дионисий⁴⁰, который в предвыборных лозунгах просит голосовать за своего патрона (CIL. IV.1041, 1045). Другой представитель этого знатного рода – Н. Попидий Приск, офицер преторианской когорты – имел обширный дом VII.2.20, также окруженный лавками и мастерскими⁴¹, среди которых выделялась крупная пекарня с четырьмя мельницами (VII.2.22) и фулоника (VII.2.41). Схожая картина наблюдается и в деятельности Теренция Неона, владельца огромного дома VII.2.1–7 и пекарной мастерской с лавками для продажи выпеченной продукции, которой управлял некий Прокул, которому приписывают и пекарню, расположенную напротив, на другой стороне улицы (IX.3.10–12)⁴².

Имеющийся в нашем распоряжении археологический материал дает мало информации о формах взаимоотношений хозяина дома с ли-

³³ *Fiorelli G.* Op. cit. P. 283, 440.

³⁴ NS. 1876. P. 195; 1887. P. 221.

³⁵ NS. 1878. P. 41; 1901. P. 208; *Fiorelli G.* Op.cit. P. 58–59, 367.

³⁶ Об этом см.: *Ляпустин Б.С.* Развитие шерстоделательного производства в Помпеях в I в. н.э. // Проблемы истории античности и средних веков. М., 1981. С. 40–42.

³⁷ *Gassner V.* Op. cit. S. 25.

³⁸ *Rostovzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxf., 1926. P. 72–74; *Maiuri A.* L'ultima fase...P. 163–167. Ср.: *Lepore E.* Orientamenti per la storia sociale di Pompei // *Pompeiana. Raccolta di studi per il secondo centenario degli scavi di Pompei.* Napoli, 1950. P. 202–208; *Gassner V.* Op. cit. S. 24–25.

³⁹ *Castrén P.* Op. cit. P. 207–209.

⁴⁰ *Della Corte M.* Op. cit. P. 256, 263.

⁴¹ *Ibid.* P. 150–153.

⁴² *Ibid.* P. 157–160; *Castrén P.* Op. cit. P. 21, 227–228.

цами низкого социального статуса, появившимися в границах знатного дома и стоявшими во главе мастерских. То, что большинство таберн в этот период сообщается с внутренними покоем, свидетельствует о доверительных и близких отношениях, формы которых могут быть разнообразны. Одним из возможных вариантов, как сообщают юридические источники, могло быть использование мастерских на основании узуфрукта (т.е. права пользования и извлечения доходов). Весьма распространенной была ситуация, когда наследнику давалось распоряжение предоставить кому-либо узуфрукт на пользование зданиями таберн и мастерских. При этом фрукуарий был ограничен в своих действиях. Как определяет юрист I в. Нерва-сын, ему запрещено изменять комнаты, менять местами вход и выход, переделывать атрий, но он может украшать строение и проделывать в нем окна⁴³. Получив в узуфрукт дом, он мог сдавать его в аренду целиком, но не мог переделывать его при этом под мастерскую или гостиницу⁴⁴. В этом контексте интересна помпейская пекарня VII.2.3–6, которая была соединена с жилыми комнатами через проделанное в стене окно после того, как в нем появился последний владелец⁴⁵. Вероятно, это отражение ситуации описанной Нервой, и говорит либо об арендных отношениях, либо об узуфрукте на пекарню, когда коренную перепланировку хозяин пекарни провести не мог.

Помимо торгово-ремесленной деятельности, в последний период жизни города активизируется и развитие сферы услуг: организация гостиниц и постоялых дворов. Кроме Коссия Либана, постоялый двор с хлебопекарней объединили еще несколько хозяев. Так, пекарня VI.2.6 на Консульской улице отделялась стеной от гостиницы VI.2.3–5. Такое же соединение пекарни и постоялого двора наблюдается в VI.14.31–33; VI.5.15; VI.1.14–16⁴⁶. Всего в Помпеях Г. Эшебах насчитал 37 гостиниц и постоялых дворов (*hospitia et diversoria*). Такое большое количество заведений для путников, когда после землетрясения сократилось число местных жителей, не случайно. Помпеи находились на перекрестке путей, соединявших соседние города Стабии, Нуцерию и Нолу с Неаполем и торговым портом в устье реки Сарно. Поэтому через город непрерывным потоком двигались путешественники и купцы с товарами, которые на стенах гостиниц и кабачков оставили немало надписей, сообщая в них о себе самих и соседних городках, куда они устремлялись (CIL. IV.8660; 8903; 8991 и др.).

Гостиницы сооружались и за стенами города. На вилле № 28 под Помпеями был раскопан постоялый двор с харчевней и пекарней, где находили пищу и кров путешественники и торговый люд. А на вилле № 10 возле дороги была оборудована лавка, где торговали вином и не-

⁴³ Dig. 7.1.13.7 (Ulp. 18 ad Sab.): *Sed si aedium usus fructus legatus sit, Nerva filius et lumina immittere eum posse ait: sed et colores et picturas et marmora poterit et sigilla et si quid ad domus ornatum. sed neque diaetas transformare vel coniungere aut separare ei permittetur, vel aditus posticasve vertere, vel refugia aperire, vel atrium mutare, vel viridaria ad alium modum convertere: excolere enim quod invenit potest qualitate aedium non immutata.*

⁴⁴ Ibid. 8: *item si domus usus fructus legatus sit, meritoria illic facere fructuarius non debet nec per cenacula dividere domum: atquin locare potest, sed oportebit quasi domum locare. nec balineum ibi faciendum est. quod autem dicit meritoria non facturum ita accipe quae volgo deversoria vel fullonica appellant.*

⁴⁵ Fiorelli G. Op. cit. P. 188–189.

⁴⁶ Ibid. P. 83–85; NS. 1876. P.195; Overbeck J. Op. cit. S. 300–303; Eschebach H. Op. cit. S. 133, 130, 127.

хитрыми закусками как для местных деревенских жителей, так и для проезжавших мимо чужаков⁴⁷. Такая ситуация была типичной для Италии. Как сообщает Варрон, по дорогам к морским гаваням двигались торговые караваны из вьючных ослов, на которых везли масло, вино, зерно и другие товары⁴⁸. Автор трактата о сельском хозяйстве, выразитель взглядов и хозяйственной практики староримской знати, советовал землевладельцам воспользоваться выгодной ситуацией для извлечения прибыли и выстроить гостиницу, если имение лежит при дороге и место удобно для путников⁴⁹. Таким образом, и в этой сфере деятельности мы видим отнюдь не практику народившегося слоя новых богачей, а традиционные формы организации хозяйственной жизни знатных фамилий, берущие свое начало еще со времен Республики.

Подводя итог, следует отметить, что в Помпеях представители знати организовывали хозяйственную жизнь фамилии, активно расширяя торгово-ремесленную деятельность, в расчете на получение возможной прибыли в различных формах, через своих рабов и отпущенников. Однако в этом общем для всех русле экономической деятельности можно выделить два направления. Одно из них связано с активной перестройкой домовладения новым хозяином. Пробиваются новые входы, лавки начинают напрямую соединяться с внутренними жилыми помещениями. Такие изменения проводили в последние годы жизни города не только отпущенники, подобные Коссию Либану, но и аристократы, например, из рода Попидиев. Увеличение числа проходов в большой атриумный дом является наглядным свидетельством активной торгово-ремесленной жизни знатной фамилии, которую домовладыка проводил открыто перед глазами своих сограждан, не считая нужным ее как-либо камуфлировать. Знатный дом включил в себя несколько зон: жилую, публичную, хозяйственную, которые существовали бок о бок в тесной связи между собой.

Однако сохранялся и прежний подход к принципам организации хозяйственной жизни в рамках городской фамилии, который ведет начало от строгих нравов предков, когда домовладыка демонстративно дистанцировался от непрестижных форм деятельности, отгораживаясь от таберн глухой стеной и сохраняя только один парадный вход в атриум. Частная жизнь была изолирована от шумной торгово-ремесленной сферы. Правда, живущих по староримским принципам в Помпеях осталось немного – только 11 домов из 58 площадью от 350 до 3000 м² сохраняли один вход по фасаду. Наиболее примечательным среди них был дом М. Лукреция Фронтоня (V.4.A). Его жилище не было ни обширным, ни многокомнатным, но выделялось замечательным атрием, перистилем и прекрасными фресками третьего стиля. Среди них важное место занимает роспись на мифологический сюжет, взятый из Овидия – Перо кормит грудью осужденного на голодную смерть отца Мико. Картина содержит подпись: «В несчастье стыдливость уступает перед дочерним

⁴⁷ Сергеев М.Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.; Л., 1958. С. 185; Carrington R.C. Pompeii. Oxf., 1936. P. 116, 124; NS. 1921. P. 436–441.

⁴⁸ Varr. RR. II.6.5: *Greges fiunt fere mercatorum, ut eorum qui e Brundisino aut Apulia asellis dossuariis comportant ad mare oleum aut vinum itemque frumentum aut quid aliud.*

⁴⁹ Varr. RR. I.2.23: *...si ager secundum viam et op<p>ortunus viatoribus locus, aedificandae tabernae devorsoriae, quae tamen, quamvis sint fructuosae, nihilo magis sunt agri culturae partes.*

долгом»⁵⁰. Сюжет и текст в духе *mos maiorum* буквально навевают образ сурового ревнителя старины Катона Старшего. Этот образ аристократа, ставящего моральную чистоту выше погони за прибылью, дополняют предвыборные надписи на стене его дома (CIL. IV.7305, 7416, 7979), где соседи, призывая избрать М. Лукреция Фронтоня эдилом, называют его сильным и честным, добродетельным и скромным. И такой формы хозяйственной жизни в доме придерживались не только старинные аристократы. Братья-вольноотпущенники Везонии, видимо, подражая знати, точно так же в доме имели один вход в атрий, а жилые покои от хозяйственных помещений были отделены глухой стеной.

Таким образом, экономическая жизнь Помпей со II в. до н.э. вплоть до гибели города характеризовалась активной торгово-ремесленной деятельностью знатных фамилий, которые через своих рабов и отпущенников оказывали большое влияние на темпы и формы хозяйственной жизни муниципия и даже на то, как вели себя выбившиеся в верхние слои общества вольноотпущенники.

BORIS S. LYAPUSTIN (MOSCOW)

ECONOMIC LIFE OF NOBILITY IN POMPEII

Material from Pompeii allows to restore the picture of economic life of nobility in the city, who joined, quite actively, the commercial life of the community, starting from II B.C. There they joined activities of free craftspeople, who worked in small workshops. *Domus*, usually belonging to one family, becomes the center of families' economic life. The number of small shops and workshops around was growing; and they were given, as *peculia*, to individuals, who were under the power of a houseowner. Thus the house became the center of integration between private, public and economic spheres of life. Heads of old Pompeii families were guided by the same ideas, as old Rome families, in their activities. As a result, from the end of Republic to beginning of the Empire, the economic activities, supplemented by the labour of small merchants and craftspeople, encompassed the commercial life of Pompeii, so that after the earthquake of 62 A.D., despite an active change of house owners, there was no important enlargement in the network of *taberna*. The economic life of noble families had different forms, which found their representations in space. In some cases passes from *taberna* to residential area illustrated the fact that there was connection between a family's private life and its merchant-craft activities. In others, *patres familias* in an old Rome style kept segregating commercial and residential areas with a strong wall.

⁵⁰ Hanno C. Указ. соч. С. 124–126.